«Вашу душу в звуках слышим мы»

К 240-летию со дня рождения
итальянского скрипача и композитора
Никколо Паганини
(27.10.1782 – 27.05.1840)

Беседа

с рекомендательным обзором книг из фондов
отдела музыкально-нотной литературы
Воронежской областной универсальной научной библиотеки имени И.С. Никитина

«Скрипка в руках Паганини – орудие психики, инструмент души».
М. Мохнацкий

«Найдётся ли ещё один такой художник, жизнь и слава которого сияли бы таким ярким солнечным блеском, художник, которого весь мир в своём восторженном поклонении признал бы королём всех художников».

Ф. Лист

27 октября 1782 года в небогатом квартале Генуи, в узком переулочке с символическим названием «Чёрная кошка», у Антонио Паганини и его жены Терезы Боччардо появился на свет сын Никколо. Он был третьим ребёнком в семье (второй ребёнок умер вскоре после рождения). Хрупкость и чувствительность унаследовал от матери – спокойной и сентиментальной, но при этом религиозной и суеверной. Настойчивость, темперамент, бурную энергию – от отца, предприимчивого и практичного человека, переменившего профессию ремесленника на продавца мандолин. Простолюдины считали отца незаурядной личностью, говорили, что он может предсказывать будущее и даже указывать выигрышные номера лотерейных билетов. На самом деле он изобрёл арифметическую таблицу для определения выигрышных номеров, хотя сам и не выигрывал.

Дом, где родился Н. Паганини

Мальчик родился тщедушным, болезненным. Когда Никколо было около четырёх лет, он заболел корью с последующим тяжёлым осложнением и длительной потерей сознания. Ребёнка сочли умершим и уже готовились к похоронам, но Тереза ни за что не позволяла увезти его на кладбище – её чутьё подсказывало, что ребёнок жив. И действительно, он вскоре пришёл в сознание.

Как-то во сне мать увидела ангела, который предрёк её любимому сыну карьеру великого музыканта. Отец также уверовал в это. Разочарованный тем, что его первый сын, Карло, не радовал успехами на скрипке, он заставлял заниматься второго. Поэтому у Никколо почти не было детства, оно прошло в изнурительных занятиях. И маленького скрипача запирали для занятий в тёмный чулан, а отец бдительно следил, чтобы тот играл непрерывно. Карой за непослушание было лишение еды. Усиленные занятия на инструменте, как признавал сам Паганини, во многом подорвали его и без того хрупкое здоровье. На протяжении всей жизни он часто и тяжело болел.

А. Гатти. Первый триумф Паганини

Природа наделила Никколо необыкновенным даром – тончайшим, до предела чувствительным слухом. Даже удары колокола в соседнем соборе били по нервам.

Первым педагогом Паганини стал скрипач Джованни Серветто, а затем скрипач и композитор Франческо Ньекко. Паганини рано стал сочинять – уже в восьмилетнем возрасте написал скрипичную сонату и ряд трудных вариаций.

Постепенно слава о юном виртуозе распространилась по всему городу, и на Паганини обратил внимание первый скрипач капеллы собора Сан-Лоренцо Джакомо Коста.

Нет никаких сведений о том, где Никколо научился чтению, письму и счёту. Он не посещал ни одной школы и, очевидно, начальное образование получил у своих музыкальных учителей.

После занятий с Костой Паганини смог, наконец, впервые выйти на эстраду. Возбуждение музыканта было настолько велико, что после выступлений он в изнеможении лишался чувств. В 1794 году началась его концертная деятельность. Он понял, что имеет власть над аудиторией; инстинкт подсказывал ему, что он рождён для триумфов. Он познакомился с людьми, во многом определившими дальнейшую его судьбу и характер творчества. Польский виртуоз Август Дурановский, концертировавший тогда в Генуе, потряс Паганини своим искусством. Маркиз Джанкарло ди Негро, богатый генуэзский аристократ и меломан, стал не только его другом, но и взял на себя заботу о будущем Никколо.

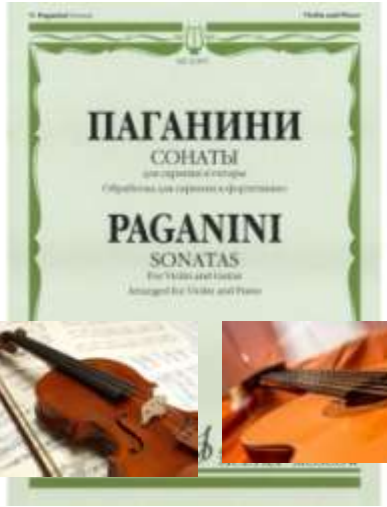
С его помощью тот смог продолжить образование. Новый учитель Паганини – виолончелист, прекрасный полифонист Гаспаро Гиретти – привил юноше отличную композиторскую технику. Он заставлял сочинять его без инструмента, развивая способность слышать внутренним слухом. За несколько месяцев Никколо сочинил 24 фуги для фортепиано в четыре руки. Им были также написаны два скрипичных концерта и различные пьесы, которые до нашего времени не дошли.

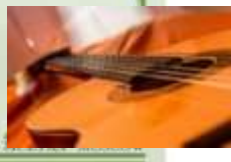
Два выступления Паганини в Парме прошли с огромным успехом, и молодого виртуоза пожелали послушать при дворе герцога Фердинанда Бурбонского. Отец Никколо понял, что настала пора эксплуатировать талант сына. Взяв на себя роль импресарио, он предпринял турне по Северной Италии. Юный музыкант выступал во Флоренции, а также в Пизе, Ливорно, Болонье и наиболее крупном центре Северной Италии – Милане. И всюду был огромный успех. В этот период родились многие из его

прославленных каприсов. Ничего подобного не создавала художественная фантазия до Паганини, не смогла создать и после. 24 каприса остаются уникальным явлением музыкального искусства. Лишь немногие скрипачи в состоянии исполнить их все.

Окрепший характер, бурный итальянский темперамент Никколо приводили к конфликтам в семье. Зависимость от отца становилась всё более невыносимой. Никколо жаждал свободы. И воспользовался первым же предлогом, чтобы уйти от жестокой родительской опеки: когда Паганини было предложено занять место первого скрипача в Лукке, он его с радостью принял. Ему было поручено руководство городским оркестром и разрешено концертировать. С небывалым успехом он выступает в Пизе, Милане, Ливорно. Восторг слушателей кружит голову, ощущение свободы пьянит. Увлечениям иного порядка он отдаётся так же пылко и страстно. Но первая любовь к до сих пор неизвестной даме,

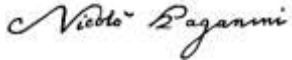
представительнице тосканской аристократии, изменила образ жизни музыканта: почти на три года имя Паганини исчезает с концертных афиш. Он поселился в её имении, выполнял предписания врачей и не прикасался к скрипке. В эти годы были созданы многие гитарные сочинения Паганини, в том числе двенадцать сонат для скрипки и гитары.





В конце 1804 года скрипач возвращается на родину, в Геную, и несколько месяцев только сочиняет. А затем снова едет в Лукку – в герцогство, которым правил Феличе Бачокки, женатый на сестре Наполеона Элизе. Три года

служил Паганини в Лукке камерным пианистом и дирижёром оркестра. Отношения с княгиней Элизой постепенно приобретали не только официальный характер. Паганини посвящает ей «Любовную сцену», специально написанную для двух струн («ми» и «ля»). Другие струны во время игры со скрипки снимались. Сочинение произвело фурор. Затем княгиня потребовала написать произведение только для одной струны. И спустя несколько недель Паганини написал сонату «Наполеон» для струны «соль», которую исполнил на придворном концерте. Успех превзошёл самые смелые ожидания.



Элиза Бачокки

В это же время Паганини завершает и свой Большой скрипичный концерт ми минор, рукописную копию которого обнаружили в Лондоне лишь в 1972 году.

Через три года службы Паганини начали тяготить отношения с Элизой, двором, ему вновь захотелось артистической и личной свободы. Он надолго уезжает с концертами на гастроли, но в 1808 году снова возвращается. Во Флоренции прошло ещё четыре года его придворной службы.

Покинув Флоренцию, Паганини переезжает в Милан. Именно здесь летом 1813 года он увидел первый балет Ф. Зюсмайера «Верджина». Воображение Паганини было особенно захвачено эффектным танцем ведьм. В один вечер он написал на тему этого танца Вариации для скрипки с оркестром и 29 октября сыграл их в театре «Ла Скала». Сочинение имело ошеломляющий успех благодаря применённым композитором совершенно новым выразительным скрипичным средствам.

В конце 1814 года Паганини приезжает с концертами в родной город. Пять его выступлений проходят с триумфом. Газеты называют его гением «независимо от того, ангел он или демон».

Полина Боргезе

В конце 1816 года Паганини уехал на концерты в Венецию. Во время выступления в театре он знакомится с хористкой Антонией Бьянки и берётся обучать её пению. Паганини увозит её с собой в концертные поездки по стране и всё более привязывается к ней.

Вскоре Паганини обретает ещё одного друга – Джоаккино Россини. В конце 1818 года скрипач впервые приезжает в «столицу мира» – Рим, где посещает музеи, театры, сочиняет. Для концертов в Неаполе он создаёт уникальное сочинение для скрипки соло – Интродукцию и вариации.

11 октября 1821 года состоялось его последнее выступление в Неаполе, и на два с половиной года Паганини оставляет концертную деятельность. Состояние его здоровья так плохо, что он вызывает к себе мать, перебирается в Павию к известному врачу Сиро Борда. Туберкулёз, лихорадка, кишечные боли, кашель, ревматизм и другие заболевания терзают Паганини. Тают силы. Разносятся даже слухи, что Паганини скончался. Но композитор обратился к другому

врачу-иностранцу, и тот буквально за несколько дней поставил Паганини на ноги.

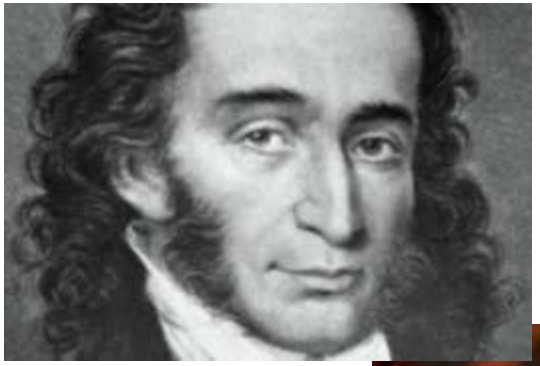
В апреле 1824 года Паганини неожиданно появляется в Милане и объявляет о концерте. Окрепнув, он даёт концерт в Павии, где лечился, затем в родной Генуе. Он почти здоров; остался – теперь уже на всю жизнь – «невыносимый кашель».

Неожиданно он вновь сближается с Антонией Бьянки. Они вместе выступают. Его уроки не пропали даром: Бьянки стала прекрасной певицей, имела успех в «Ла Скала». Вскоре она рожает Паганини сына – Ахилла.

Преодолевая болезненное состояние и мучительный кашель, Паганини интенсивно сочиняет для своих будущих выступлений новые произведения, из которых наибольшую известность приобрёл Второй концерт со знаменитой «Кампанеллой», ставшей своеобразным музыкальным символом артиста.

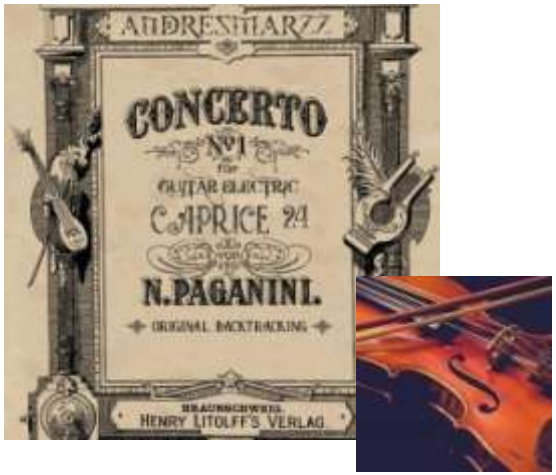
Это кульминация творчества Паганини. После он не создал ничего равного по удивительной лёгкости воплощения захватывающих, радостных образов.

В начале марта 1828 года Паганини с Бьянки и Ахиллом отправляются в далёкий путь в Вену. Почти на семь лет покидает Паганини Италию. Начинается последний период его концертной деятельности. В Вене Паганини много сочиняет. Здесь рождается сложнейшее произведение – «Вариации на австрийский гимн» и задумывается знаменитый «Венецианский карнавал» - венец его виртуозного искусства.



Н. Паганини

В это время Паганини окончательно порывает с Бьянки и с помощью суда забирает к себе сына, выплатив Антонии крупную сумму денег. Семейные раздоры оказали губительное воздействие на нервную систему композитора – после концертов у него появляются признаки эпилептических припадков. Врачи направляют его в Карлсбад на воды.



С августа 1829 года, когда Паганини приехал во Франкфурт, по февраль 1831 года продолжалось турне по Германии. За 18 месяцев скрипач играл в более чем 30 городах, выступил в концертах, при различных дворах и в салонах почти 100 раз. Это была небывалая по тем временам активность исполнителя. Паганини чувствовал себя на взлёте, выступления проходили с огромным успехом, он почти не болел.

Весной 1830 года Паганини концертировал в городах Вестфалии. И здесь, наконец, исполняется давнее его желание – вестфальский двор жалует ему титул барона, разумеется, за деньги. Титул передаётся по наследству, именно это и надо было Паганини: он думает о будущем Ахилла.

В январе 1831 года Паганини даёт последний концерт в Германии – в Карлсруэ, и в феврале он уже во Франции, а в середине мая – в Англии. Там он даёт свыше 150 концертов. Два концерта в Страсбурге прошли с феноменальным успехом. Доходы композитора достигают фантастических сумм.

Он давал концерты даже во время эпидемии холеры в Париже.

В декабре 1831 года Паганини перенёс операцию на челюсти, после которой больше месяца пролежал в госпитале.

Здоровье Паганини постепенно ухудшалось. Он постоянно нуждался в отдыхе. В 1834 году он приобрёл виллу Гайонэ в Парме, где он мог, наконец, насладиться заслуженным отдыхом. Но выступления продолжались. Однако здоровье Паганини вновь оказалось под угрозой. Ларингит обострился так, что композитор говорил шёпотом.

В конце жизни Паганини увлекается коллекционированием инструментов.

Скрипка Н. Паганини

Последние пять месяцев Паганини не мог выходить из помещения, у него опухли ноги, и он оказался настолько истощён, что не мог взять в руку смычок, скрипка лежала рядом, и он перебирал её струны пальцами.

Никколо Паганини скончался от туберкулёза гортани в Ницце 27 мая 1840 года.

Скрипка Паганини работы Гварнери

Могила Н. Паганини

Останки композитора долго не могли предать земле: этому противилась церковь, так как композитор не получил последнего причастия и считался богоотступником. Воинствующие клерикалы хотели даже уничтожить его прах. Тело забальзамировали и спрятали, оно долго оставалось непогребённым. Паганини после смерти имел несколько временных могил. И только в 1876 году уже внук Атилл похоронил деда на пармском кладбище, добившись отмены запрета церкви (а в 1896 году тело перенесли на новое пармское кладбище).

Паганини Никколо // Ладвинская, Алла Анатольевна. 70 знаменитых композиторов : судьба и творчество. – Донецк : БАО, 2006. – С. 62–68.

Глава 2

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ ПАГАНИНИ

Нужно сильно чувствовать, чтобы заставить чувствовать других.
Паганини

31 июля [1795 года] мальчик, которому исполнилось уже тринадцать лет, готовился выступить со своим первым концертом перед публикой в театре.

Маленький скрипач, должно быть, по совету отца, решил использовать популярность французов и включил в программу свои *Вариации на тему Карманьолы,* этой пьемонтской песенки, подхваченной Французской революцией. Идея оказалась удачной: ветер фронды, звучавший в музыке, и поразительное, виртуозное мастерство мальчика привели публику в невероятный восторг.

Так состоялся первый из бесчисленного множества грандиозных триумфальных концертов Паганини. И, наверное, именно тогда он заключил тайный договор с другим, бесплотным, но реальным участником этого события – с Душой скрипки. Эта загадочная Душа привязала его к себе неразрывными узами. И с того дня он принадлежал только ей – ни себе, ни другим, разве что на несколько часов, но и то – не весь. Того требовал молчаливый договор, заключённый вечером 31 июля 1795 года, цена которого – триумф, известность, слава.

Всё загадочно вокруг нас: и стебелёк травинки, и волосок на голове ребёнка. Но нет ничего таинственнее музыки – с её сущностью и властью, происхождением и развитием, с её инструментами и творениями. Волшебный ореол, будто светлым туманом окружающий фигуру Паганини, окутывает и всё искусство звуков, всех его служителей. Их ряды прослеживаются на протяжении веков, а их творения подобны волшебным цветам, распускающимся на жизненном пути каждого. И в тени артистов следуют более скромные и смиренные мастера, вкладывающие в руки избранных инструменты, чтобы те извлекали из них самые вдохновенные звуки.

Готовясь к своим концертам, юный Паганини глубоко изучал произведения композиторов, писавших для скрипки. Самых выдающихся из них уже не было в живых: Корелли скончался в 1713 году, Вивальди – в 1741-м, Тартини – в 1770 году.

Неукротимое тщеславие, таившееся в глубине души молодого генуэзца, побуждало его подхватить пылающий факел победы, который эти мастера передавали друг другу из поколения в поколение. Да, он должен подхватить его и снова вознести к славе: он продолжит замечательную традицию итальянской скрипичной школы и в то же время преобразит и обновит её.

Паганини не нарушит классическую линию, но его творчество композитора и исполнителя будет носить новую печать романтического музыканта-виртуоза, повелевающего толпой с помощью волшебного, чудотворного флюида, источаемого самым рискованным, самым легкомысленным, самым дерзким проявлением его личности.

Он определённо чувствовал, что не сможет наилучшим образом выразить себя, не сможет полностью оставаться самим собой и не сумеет достичь вершин своего искусства, если не станет сам писать музыку и сам исполнять свои произведения.

Великими были его предшественники, но их чистые, как у греческих скульптур, линии не отвечали его темпераменту.

Паганини следовало писать другую музыку и по-другому исполнять её. Он чувствовал, что в нём рождается совершенно новый мир, и творческий порыв увлекал его на самую безрассудную смелость, которая приведёт к непревзойдённой исполнительской виртуозности. Что только не сотворит он, каких только высот не достигнет скрипка в его руках и при его таланте!

«Нужно сильно чувствовать, чтобы заставить чувствовать других!» – скажет он однажды, и это прозвучит так же выразительно и незабываемо, как и некоторые его музыкальные темы. В этом заключался весь его секрет.

И его индивидуальные особенности, его необыкновенный организм, его болезненная, обострённая впечатлительность удивительно помогали ему в достижении высокой цели, в осуществлении смелой мечты.

Выросший среди простого народа, среди голосов и звуков отдалённого городского квартала, он передаёт своей музыкой его характер: мелодии, которые – он это чувствовал – зарождались в нём, рвались из его души, из его скрипки, будут иметь много общего с песнями и мелодиями, из века в век звучавшими в душе итальянского народа. Они будут такими же чистыми, простыми, певучими, будут так же легко и быстро запоминаться и навсегда завладевать слушателями.

Короткие вступительные такты этих мелодий, звучавшие призывом, приглашением, он раскрасит, расцветит, преобразит и изменит, превратив в неслыханно смелую и причудливую фантасмагорию разного рода трелей, которые, поднимаясь от самых низких до самых высоких нот, приведут скрипку к необыкновенному звучанию.

Всё мог передать этот инструмент: широту и страстность пения, нежность и печаль мелодии, пылкую яркость опьянения и радости, острый стон боли и мучения, торжество победы. Из этой деревянной оболочки, из этих сухожильных или металлических струн, из этого волосяного смычка скрипач может извлечь все заключённые и скрытые в них возможности, сумеет высвободить их, показать во всей полноте. Он взволнует сердца слушателей, задев их самые тонкие струны, и дрогнут губы у равнодушных, увлажнятся глаза у циников. И всех – и скептических, и восторженных слушателей – он приведёт к краю головокружительной пропасти, вынуждая следовать за собой в акробатических чудесах своей звуковой виртуозности.

Чтобы достичь этого, требовались две вещи: упорная работа и безграничная смелость. Паганини не страшили ни труд, ни дерзание.

Глава 9

ДУЭЛЬ СМЫЧКОВ

Свобода – наивысшее благо для мужчины.

Паганини,
31 января 1820 года

В октябре [1816 года] музыкант приехал в Венецию и оставался там до июля следующего года. Именно в это время и в этом городе он встретил женщину, которой довелось сыграть в его жизни довольно значительную роль. Это оказалась Антония Бьянки, в ту пору скромная статистка в театре

«Сан-Самюэле». Девушка отличалась необычайной красотой, и это не ускользнуло от зоркого глаза скрипача. Видимо, однажды он подал ей надежду, которая казалась ей несбыточной мечтой:

- Учитесь петь и будете выступать в моих концертах.

И очень возможно, что пребывание его в Венеции затянулось не без влияния этой молодой женщины.

Антония Бьянки

На портрете, относящемся к более позднему времени, красота её предстаёт несколько вульгарной, но яркой и привлекательной: правильные черты лица, обрамлённого гладкой причёской, светлые, живо контрастирующие с тёмными волосами глаза, чувственные, красиво очерченные губы, прекрасные плечи и шея, выплывающие из тёмного бархатного платья. Выражение лица Бьянки неприятно, и, как мы убедимся, она и в самом деле не преминула доставить скрипачу множество горестей своим отнюдь непокладистым характером.

7 ноября 1818 года Никколо пишет Джерми из Рима:

«Я вновь загорелся было мыслью о той особе из Венеции. Но письма, полученные оттуда, оказались такими плохими, что и слышать не хочу больше о ней. Она перестала заниматься музыкой. Пишет, что не любит меня больше и ей нисколько не нужна моя дружба, поэтому она вполне довольна. Теперь, видимо, она живёт у сестры в Бреши».

Из постскриптума письма видно, насколько он раздражён:

«Во мне по-прежнему всё бунтует против брака. Мне нужны не любовные письма, а уважение. Свобода – это сокровище».

Эта последняя фраза со значительным rinforzando (нарастание) вновь повторяется в другом письме к другу – от 31 января 1820 года из Палермо, в котором он снова утверждает:

«Свобода – вот наивысшее благо для мужчины».

Паганини повторял это самому себе, чтобы всеми силами победить новое, весьма сильное увлечение восемнадцатилетней девушкой, грозившей связать его узами брака, к которым он испытывал священный страх.

…несмотря на измену Бьянки, что окажется похуже её холодных, отчуждённых и обидных писем, он не бросил её, что означает, что молодая женщина очень сильно и необычайно прочно завладела им. Особенно если учесть любовное непостоянство скрипача.

Н. Паганини

Мы увидим, что и потом он простит её ещё много раз, прежде чем отчаяние не приведёт к окончательному разрыву. Со стороны Бьянки это была, видимо, умелая тактика – обижать его и изменять ему. Такие люди, как Паганини, не всегда предпочитают самых любящих и самых преданных женщин.

С осени 1816 года скромная статистка из театра «Сан-Самюэле» начнёт завоёвывать позиции, пока не станет общепризнанной любовницей скрипача и не сумеет оставаться ею в течение нескольких лет, с 1824 по 1828 год, поставив рекорд длительности, который никто не смог превзойти ни до, ни после неё.

И всё-таки до 1824 года сильно ошибся бы тот, кто решил, будто Бьянки единолично завладела сердцем генуэзца. Он посылал ей деньги, возможно, виделся с нею время от времени, прощал измены, но, конечно, и сам не оставался верным ей.

Сколько имён, сколько женщин проходят через его письма в эти годы! И по поводу каждой он воспламеняется, для каждой находит самые восторженные слова, самые лестные эпитеты, самые восхищённые выражения. Бурный темперамент скрипача, наталкиваясь на какие-либо препятствия, мешающие соединиться с возлюбленной, нередко влечёт его на самый край пропасти – к браку. Но всякий раз, несмотря ни на что, он остаётся свободным и тут же загорается новым увлечением.

Паганини отличался необычайной наивностью, несмотря на всё новый и новый опыт и рассудочную холодность, которая нередко заметна в его письмах и поступках. Эта наивность неоспорима, как бесспорна и абсолютная искренность взволнованной души музыканта в те моменты, когда он, как всегда, властно и неудержимо пылко захвачен страстью. Это характерно для его артистического темперамента. Паганини не способен любить холодно, расчётливо, как не способен он и холодно играть на скрипке. И в этом заключается секрет его успеха – в любви и в искусстве.

«… Слушая мою музыку, поющие переливы моей скрипки, женщины не могут удержаться от слёз», – писал он Джерми много лет спустя – в 1830 году, когда не без грусти признавал, что «он уже больше не молод, не… красив, даже… уродлив».

31 января 1818 года он жаловался Джерми:

«Почти все женщины обладают некоторой долей притворства, которое, как подсказывает им опыт, необходимо, чтобы властвовать над мужчиной, но очень редко я встречал женщин, в которых бы сочетались грация и скромность, простота и хитрость, чувство и бесчувственность, ангельский облик с дьявольским сердцем».

Интересно отметить, что при всём своём любовном непостоянстве Никколо оставался преданным матери. В его письмах к ней чувствуется постоянная и неизменная забота о её здоровье, благосостоянии, счастье. В то же время он почти никогда не упоминает об отце, скончавшемся в 1817 году. Очевидно, он не испытывал к нему особой нежности. Прочтём некоторые выдержки из писем к матери:

«Венеция, 16 октября 1816 года.

Дорогая синьора мама… я всегда готов исполнить ваши желания и не только в том, что касается оставшейся суммы, о которой вы пишите. Больше того, хочу назначить вам ежемесячную пенсию, чтобы у вас имелось достаточно продуктов для себя и всей семьи. Скажите мне, сколько лир в день вам нужно, и я пришлю. Очень хочу видеть вас и сестёр счастливыми.

… Моя горячо любимая мама! У меня прекрасное настроение, но оно станет ещё лучше, если у вас будет отличный стол; хочу, чтобы вы покупали хорошее вино – монферрато, хорошую еду и чтобы все дома были счастливы, а не то очень огорчусь. У меня хватит денег, чтобы послать вам столько, сколько нужно».

Н. Паганини

Среди памятных вещей, хранящихся в семье Паганини в Милане, есть старинная ермолка с кисточкой – из тех, что в прошлом веке носили почти все, потому что зимой помещения очень плохо отапливались. И к этой ермолке приколота записка, написанная сыном скрипача Акилле:

«Ермолка сшита из куска ткани от свадебного платья Терезы Боччардо Паганини, матери Никколо».

Желание всегда иметь при себе этот кусочек ткани свадебного платья матери в качестве талисмана (позднее скрипачи считали эту шапочку талисманом, и многие примеряли её, надеясь, что она принесёт удачу) больше, чем какие-либо поступки, письма или слова, приоткрывает нам его истинное сердце. И тот, кто сумел увидеть в нём злого, жестокого, расчётливого человека, пусть подумает об этой старой, выцветшей ермолке и тогда, возможно, изменит своё мнение.

Н. Паганини

Глава 13

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСКУССТВУ И ЖИЗНИ. МАЛЕНЬКИЙ АКИЛЛЕ

У меня есть сын, и я молю небо сохранить мне его.

Паганини

3 февраля в одном из бесконечных писем к Джерми Паганини сообщает о певице Летиции Кортези, которая в эти годы с большим успехом выступала на итальянской сцене:

«Только на два дня задержался я во Флоренции. Из-за чего? Чтобы увидеть божественное создание. Она хорошо воспитана, очень красива и очень неплохо поёт. Это Кортези. Мне хотелось, если бы это оказалось возможно, соединить свою жизнь с такой женщиной, но не знаю, удастся ли. Истинное соответствие встречается столь редко…».

Он не питал, следовательно, никаких иллюзий относительно того, что отношения с Бьянки могут быть серьёзнее, чем с прежними любовницами. И если он до сих пор ещё не расстался с ней, то потому лишь, что она недавно призналась ему, что ждёт ребёнка.

С того момента, как Антония сообщила, что готовиться стать матерью, он больше не разлучался с ней, даже несмотря на первые размолвки, начавшиеся между ними. «Истинное соответствие встречается столь редко…» – считал он, но мирился со всем, лишь бы дождаться столь ожидаемого и столь желанного события – рождения ребёнка.

Он продолжал выступать с концертами, в которых принимала участие и Бьянки.

«Чувствую себя очень хорошо, – писал он Джерми 3 февраля. – Худощавым я всегда оставался, но в сердце моём пусто». В сердце пусто, увы… Бьянки совершенно ничего не значила для него!

Ахилл Паганини

23 июля у Паганини родился сын, которого назвали Акилле (Ахилл), в честь героя Гомера. Огромное счастье испытал скрипач при виде этого человечка, только что появившегося на свет и являвшего собой продолжение его жизни – бессмертия, которого он, похоже, жаждал больше, чем бессмертия, обретённого трудом и славой.

На какое-то время отношения с Бьянки стали, видимо, теплее и нежнее. «…Может быть, возьму её с собой в заграничную поездку этой весной», – писал Никколо Джерми. Он писал это из Неаполя 6 декабря. В Неаполе, в Сицилии и, видимо, на Мальте скрипач провёл всю зиму, «предпочитая, – как он писал, – проводить первые холода в мягком климате». Но если южный климат был мягким, то, увы, отнюдь не таким же был характер Бьянки:

«Кстати, да будет тебе известно, что у Бьянки, которая всё ещё со мной, есть очень большой недостаток. Чуть что, она приходит в неистовство. Вчера вечером, например, из-за того, что я не взял её с собой к одному коммерсанту, у которого мне нужно было задержаться по делу всего на четверть часа, она схватила мой футляр и несколько раз грохнула его о землю, пока он не раскололся на куски. По счастью, мой слуга взял, а вернее – выхватил у неё из рук скрипку и спас её; и она чудом осталась цела, только несколько расстроилась.

Другой случай произошёл позавчера вечером. Мы находились с Бьянки в гостях у семьи Спаньюоли. Сын и мать, хозяйка этого дома, пригласили меня, чтобы познакомить с одним необыкновенным любителем музыки, фанатично влюблённым в скрипку, и Бьянки нас всех поразила, потребовав вдруг, и думаю, из ревности, чтобы я проводил её домой. Я спросил зачем, а она дала мне сильнейшую пощёчину, подняла дикий крик и изумила всех собравшихся. Она чуть не умерла от этого крика, и мы уже не надеялись успокоить её».

Вполне возможно, что после подобных сцен Паганини «расстраивался» не меньше своей скрипки. И всё же теперь, когда родился ребёнок, оказалось довольно трудно освободиться от Бьянки. Скрипач терпел её и не расставался с ней.

«Бьянки делает большие успехи в пении и поедет со мной в большое турне по Европе, которое я собираюсь совершить как только избавлюсь от своего невыносимого кашля», – писал он Джерми 6 апреля 1826 года.

Трудно стало терпеть и эту женщину, и кашель, трудно оказалось и избавиться от них. Пришлось снова отложить на неопределённое время поездку за Альпы, и он опять нашёл утешение в творчестве: в эту неаполитанскую зиму он написал три концерта для скрипки и оркестра, в том числе *Концерт с колокольчиком*. И они, конечно, стали для него светом во мраке, как и первые улыбки сына.

Судьба жестока с гением, часто коварна, безжалостна: она дорого заставляет платить за исключительные способности, какими одаряет его. Если проследить шаг за шагом всю жизнь Паганини, невольно замечаешь, что постоянное восхождение артиста неизменно сопровождается быстрым ухудшением здоровья, что вслед за блестящей чередой ошеломительных успехов тянется печальная вереница болезней. Вслед за периодом активной творческой или концертной деятельности неизбежно следуют острые кризисы, которые в конце концов доводят его несчастный, измученный организм до полного разрушения.

Во время пребывания во Флоренции с маленьким Акилле случилась беда, которая повергла его отца в полное отчаяние. Играя, малыш сломал ножку. И это было бы не так уж страшно, будь он повзрослее. Но двухлетнего, очень живого и непоседливого малыша трудно удержать в полном покое, пока не срастётся кость. В то же время, если этого не сделать, мальчик может на всю жизнь остаться хромым.

Н. Паганини

Н. Паганини

В эти дни приехали во Флоренцию адвокат Панкальди и кларнетист Адуччи и сразу же услышали разговоры о том, что Паганини «дважды обманывал публику, говоря, что не может играть и больше не выходит из дома».

Панкальди пришёл к нему вместе с Адуччи. Бьянки встретила его словно освободителя и рассказала, что случилось с Акилле. Врач уверял, что мальчик быстро поправится, если только удастся хотя бы несколько дней удержать его без движения, – необходимо, чтобы ножка, привязанная к деревянной дощечке, оставалась в полном покое. Но кто это сделает?

- Его отец! – воскликнул Никколо, тут же опустился в кресло, взял сына к себе на колени, приласкал и стал развлекать разговорами.

И с этого момента, чтобы Акилле не двигался, как того требовал врач, он не вставал с места целых восемь дней. В это время он почти ничего не ел и сильно исхудал, глаза ввалились и потускнели. Друзья сначала восхищались им, а потом стали убеждать, что нужно встать, потому что Акилле поправляется и уже нет надобности так сидеть, пора подумать и о себе – надо хорошо поесть, выпить вина, проехаться в коляске, подышать воздухом…

- О, да! – воскликнул Паганини. – Я бы охотно прокатился в коляске, но только с Акилле. Можно с ним?

- Ну, конечно! – согласился Адуччи. – Если хотите, внизу ждёт отличная коляска, удобная и просторная… Поедем за город все вместе, и синьора Антония, и няня с Акилле. Поедем на сыроварню, поедим там масла и ветчины, выпьем по стакану хорошего вина…

Наконец его уговорили. Он слегка оживился, вручил Акилле женщинам, поднялся и, пошатываясь, направился к двери. Адуччи стал развлекать его анекдотами, чтобы поддержать хорошее настроение. Никколо переоделся, снова взял на руки Акилле, медленно, «словно улитка», спустился по лестнице и сел в коляску.

На свежем воздухе он сразу почувствовал себя лучше. За городом, в сыроварне, он не заставил себя уговаривать – ел ветчину, масло и ростбиф, потом прошёл в коровник, выпил там большую кружку молока и сразу же преобразился. Спустя несколько дней он совсем поправился и смог дать флорентинцам обещанный концерт.

Надо признать, что на подобное самопожертвование, на такое полное самоотречение ради любимого сына редко способны если не матери, то, во всяком случае, отцы. Действительно, маленький Акилле теперь уже представлял для Паганини всё самое дорогое, что у него было на свете.

Печально, конечно, сознавать, что человек с таким сердцем не нашёл ни в одной женской душе «истинного соответствия», которое «встречается столь редко». Печально, что ни одна женщина, кроме разве матери, не любила его, не заботилась о нём так же, как он любил и оберегал своего маленького Акилле, не облегчала его страдания в долгие периоды болезней, промежутки между которыми с годами становились всё короче.

Но маленький Акилле, знавший и многие другие доказательства отцовской любви, не оставался неблагодарным. Едва начав ходить, он своими маленькими ножками всегда будет следовать за широким, усталым шагом отца. И никогда не покинет его. С трёх до пятнадцати лет Акилле всеми силами будет стараться помогать ему, будет ухаживать за ним, утешать, восполняя отсутствие матери, которая рассталась с ним и жила вдали, легкомысленная и забывчивая.

В четыре года Акилле уже станет свободно говорить по-немецки, а позднее выучит и английский (языки эти чужды были музыкальному слуху его отца, не желавшему учить их, несмотря на прекрасную память) и будет служить ему переводчиком во время путешествий.

Конечно, вспыльчивость и капризы Акилле будут приводить в отчаяние скрипача, неизменно возившего мальчика с собой из страны в страну, из города в город. Но его улыбка и его трогательная забота вознаградят его за терпение и жертвы, какие требовались, чтобы воспитать ребёнка в подобных условиях, и дадут его одинокой, вечно обманывавшейся и обманываемой женщинами душе то тепло, какое необходимо, чтобы набраться мужества жить и двигаться дальше. Да снизойдёт благословение на маленького Акилле за поддержку, какую он оказывал своему отцу – великому артисту, всегда остававшемуся, в сущности, несчастным человеком.

Глава 24
ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Ранят все, а последний убивает.
Надпись на циферблате
старинных башенных часов

Никколо Паганини, родившийся 27 октября 1782 года, прожил ровно пятьдесят семь лет и семь месяцев. И почти все эти годы он провёл без отдыха и покоя. Но судьбе этого показалось мало: прошло ещё почти столько же времени – пятьдесят шесть лет – вплоть до 1896 года, – прежде чем прах скрипача обрёл, наконец, покой. И действительно, можно подумать, как пишет Артуро Кодиньола, будто скрипач предчувствовал это, когда заканчивал своё письмо

Н. Паганини

в «Ревю мюзикаль» в 1831 году словами:

«Но я всё же лелею надежду, что после моей смерти клевета покинет, наконец, свою жертву и те, кто так жестоко мстит за мои успехи, оставят в покое мой прах».

Завещание Никколо Паганини, в котором он назвал опекуна Акилле и душеприказчиков, заканчивалось так:

«Запрещаю какие бы то ни было пышные похороны. Не желаю, чтобы артисты исполняли реквием по мне. Пусть будет исполнено сто месс. Дарю мою скрипку Генуе, чтобы она вечно хранилась там. Отдаю мою душу великой милости моего творца».

Н. Паганини

Тибальди-Кьеза, Мария. Паганини. – Москва : Молодая гвардия, 2008. – 388 с. : ил. – (Жизнь замечательных людей ; вып. 1330 (1130)).

ГЛАВА ПЯТАЯ

О любовь! Почему загорается
в моей груди это сладостное
пламя!

Паганини

Страшись любви; она пройдёт,
Она мечтой твой ум встревожит,
Тоска по ней тебя убьёт,
Ничто воскреснуть не поможет.

Лермонтов

Дружба с Россини, встречи с Фосколо, Байроном, Энгром, Шпором и многими другими выдающимися людьми эпохи, привязанность к маленькому Сивори, поклонение Липиньского, даже беззаветная преданность Джерми не могли наполнить жизнь молодого пылкого итальянца. Он жаждал иных больших чувств. В сердце к нему снова настойчиво стучалась любовь. Где-то в глубоких тайниках души, то вспыхивая, то затухая, жила надежда найти себе подругу, обрести семью. Он искал, увлекался, разочаровывался и охладевал и вновь искал…

Быть может, именно потому женщины и играют столь видную роль в жизни Паганини. Биографы Паганини обычно уделяют преувеличенное внимание описанию его любовных похождений. Приукрашивая эти похождения собственными домыслами, они изображают его неким «пожирателем сердец». Однако это далеко не так. Несмотря на длинный список романтических приключений, Паганини не был ни Казановой, жаждущим женщин и наслаждений, ни, ещё менее, Дон-Жуаном, которого никогда не волновала истинная любовь.

Магнетическая сила таланта, ореол славы, окружавший артиста, слухи о таинственных сторонах жизни, наконец, необычная внешность виртуоза («самый мефистофельский облик в мире… такой, что при виде него одна дама не могла сдержать крика ужаса») неудержимо влекли к нему женщин. Немало способствовали этому нравы, быт и дух эпохи, самое мироощущение романтиков, в котором важное место занимала любовь.

Узами любви был связан Паганини с таинственной синьорой Дидой, настоящее имя которой так и осталось нераскрытым, с Анджелиной Каванной, ставшей его невестой, но, по иронии судьбы, вышедшей замуж за однофамильца, некоего Джованни Паганини, с прелестной девушкой Элеонорой Куиличи, с сёстрами Наполеона I Элизой Бачокки и красавицей Паолиной Боргезе, послужившей моделью знаменитой Венеры Кановы, с певицей Антонией Бьянки, баронессой Еленой Добенек. Последняя страница интимной жизни Паганини связана с нашумевшим в прессе предполагавшимся браком стареющего артиста с английской девицей Карлоттой Уотсон.

Паганини был страстной, увлекающейся натурой. Каждое из своих многочисленных увлечений он готов был назвать первой, единственной, на этот раз настоящей любовью. Любовь, как и музыка, была его «демоном». Но даже самые прекрасные женские образы не могли заставить его забыть об искусстве.

Элиза Бачокки

Паолина Боргезе

Переписка Паганини раскрывает двойственность и противоречивость его характера. Метавшийся от одного любовного приключения к другому, он всю жизнь лелеял мечту о счастливой и спокойной семейной жизни. «Единственно, о чём я мечтаю, это найти мой идеал, чтобы соединиться с ним», – писал он Джерми. Глубокое почитание матери и безграничная любовь к сыну подтверждают это. Но всё же до конца жизни он так и не мог решиться связать себя брачными узами. «Я продолжаю противиться браку и потому не пишу больше любовных писем, а только деловые. Свобода – неоценимое сокровище».

В каждой женщине Паганини видел сирену, завлекавшую его в загадочный мир, несущей смерть и разрушение. Любовь, окрашенная в байронические тона «мировой скорби», часто ввергала его в состояние душевной депрессии.

Но жизнь постепенно брала своё. В 1824 году Паганини знакомится с Антонией Бьянки – певицей венецианского театра Сан-Самюэле. Завязавшийся между ними роман сыграет большую роль в его личной жизни: молодая женщина станет матерью единственного, нежно любимого сына – Ахилла.

Отношения с Бьянки первое время не выходили, по-видимому, за рамки случайной связи, и вопрос о браке не возникал до появления ребёнка. Об этом говорят письма Паганини, из которых видно, что в это же время он увлекался другой женщиной. «Я был во Флоренции, – пишет он Джерми из Рима 3 февраля 1825 года, – и знаешь зачем? Я видел там божественное создание – образованную, очень красивую, одарённую певицу Ла Кортези. Я хотел бы жениться на такой певице, но не знаю, удастся ли мне это. Истинное соответствие – явление редкое».

Рождение сына изменило отношение Паганини к Бьянки. Вновь оживают мечты о семейном очаге.

После концертов в Милане и Павии Паганини уехал в Геную, взяв с собой Бьянки и Ахилла. С этого времени Бьянки сопровождала его в артистических путешествиях, совместно выступала с ним в концертах. Она обладала красивым, выразительным меццо-сопрано, и её пение, отличавшееся грацией и изысканной манерой исполнения, пользовалось успехом у публики.

В Генуе Паганини ввёл Бьянки в круг своих родных и друзей. Однако он пробыл здесь недолго. Состояние его здоровья продолжало внушать опасение, и врачи настоятельно советовали ехать для лечения на юг, в Неаполь. Мягкий южный климат оказал на Паганини благотворное влияние. Только поведение Бьянки отравляло ему существование. Письма из Неаполя полны жалоб на «прекрасную компаньонку».

«У Бьянки, которая до сих пор со мной, есть большой недостаток. Она приходит в неистовство из-за пустяков. Однажды вечером она схватила и разбила вдребезги мой скрипичный футляр только из-за того, что я без неё ушёл по делу к одному коммерсанту всего на час. К счастью, мой камердинер вырвал из её рук скрипку и тем спас инструмент; скрипка уцелела чудом».

Паганини терпеливо переносил эти выходки, надеясь, что Бьянки со временем образумится. Под его влиянием она начала серьёзно заниматься. «Бьянки сделала замечательные успехи в пении, она хочет сопровождать меня в большом турне по Европе». Ему представлялось, что Бьянки, мать любимого ребёнка, внесёт в его личную жизнь успокоение, в котором он так нуждался. Но надежды эти были обмануты. Тяжёлый характер певицы, постоянные капризы, ревность, нескрываемое стремление опутать его материальными обязательствами делали совместную жизнь невозможной.

Ни страстная любовь к сыну, ни сознание того значения, которое при скитальческой жизни приобретает для мальчика материнская ласка и забота, не могли остановить Паганини в принятом решении порвать с Бьянки. Артист потерял душевное спокойствие, способность работать. Документы, сохранившиеся в венских архивах, показывают, что Паганини ещё 31 марта 1828 года, то есть через две недели после прибытия в Вену, возбудил ходатайство перед миланским трибуналом об усыновлении Ахилла. Вначале категорически отказавшись отдать сына, Бьянки смягчилась, когда ей были предложены в качестве отступного круглая сумма в две тысячи миланских скуди и ежегодная пенсия.

После разрыва с Бьянки Паганини бежит от любовных авантюр, но его не перестаёт манить мираж семейного очага. Во время «музыкального путешествия» по Германии в древнем городе мейстерзингеров – Нюрнберге – артист был представлен барону Людвигу фон Добенеку и его жене. Знакомясь с привлекательной молодой баронессой, он ещё был очень далёк от мысли, что с нею будет связан один из наиболее романтичных эпизодов его жизни.

С первого же взгляда молодая впечатлительная женщина была покорена личностью необыкновенного итальянца, его страстной, всё сметающей на своём пути музыкой. Любовь её была столь сильна, что увлекла за собой Паганини. Сначала артист не мог разобраться в охвативших его чувствах: незадолго до встречи с Еленой он сделал предложение одной молодой девушке, а сейчас начинал уже сомневаться в правильности этого шага.

Баронесса Елена фон Добенек

Как всегда, Паганини делится своими мыслями с Джерми: «Что касается меня, то я часто думаю о браке. Во Франкфурте я сделал предложение одной очаровательной девушке. Она дочь небогатого коммерсанта. Однако, учитывая, что она слишком молода и красива, к тому же не любит музыки, вернее – музыка чужда её душе, боюсь что она иначе, как притворно, не сможет посвятить себя мне. Поэтому я понемногу начинаю оставлять эту мысль. Для меня было бы много лучше, если бы я женился на другой. Это дочь знаменитого (или, вернее, самого знаменитого) писателя и юриста Германии г. Фейербаха, кавалера многих орденов, бургомистра Ансбаха и близкого советника короля Баварии. Его дочь Елена, баронесса, уже три года замужем, но не по любви. Она боготворит музыку

и прекрасно поёт. В Нюрнберг она приехала слушать меня и упросила мужа взять её с собой на мой второй концерт. Услыхав, увидев меня, поговорив со мной, она настолько увлеклась, что совершенно потеряла душевный покой и

умрёт, если в конце концов не добьётся своего. Вот уже девять месяцев как я наслаждаюсь знакомством с ней. Она внешне мила и превосходно воспитана. Её письма (из которых у меня сохранилось больше двадцати четырёх) заслуживают того, чтобы быть напечатанными, и по вдохновляющему их чувству далеко превосходят письма Элоизы и Абеляра… В этой молодой женщине я бы нашёл прекрасную жену и замечательную мать Ахиллу. Пока прочти вложенное письмо. Получив его, я поехал в Ансбах, куда прибыл в полночь; чтобы остаться незамеченным, вышел, не доходя до почтовой станции, и под вымышленным именем архитектора его величества короля Пруссии пробыл здесь три дня; как это ни странно, никто меня не узнал… Баронесса посетила меня там, и ночью я снова уехал, чтобы вернуться в Баден. Чувство этой дамы производит на меня такое впечатление, что я должен уважать и любить её. Надеясь стать моей женой, она убедила отца устроить ей развод и сказала, что готова отказаться от моего богатства и хочет только моей руки. Что ты скажешь на это! Очень трудно найти женщину, способную, подобно Елене, на такую любовь. Поистине, когда женщины слушают язык моей музыки, поющие переливы звуков ввергают их в рыдания. Однако я уже не молод и не красив. В сущности, стал очень безобразным. Обдумай это и скажи мне своё мнение. Она говорит так же, как и пишет. Её речь, её голос вкрадчивы. Она знает географию, как я скрипку».

Чем больше захватывала Паганини любовь этой молодой, разносторонне одарённой и образованной женщине, тем сильнее овладевало им чувство неуверенности. Ужасный недуг одиночества подтачивал его жизнь. «Кто-то на днях говорил, что Паганини разыгрывал мизантропа на скрипке», – будет позднее писать Альфред де Мюссе.

Жившая в глубине души артиста боязнь, что вторжение в его жизнь постороннего, хотя бы и любимого, существа в какой-то мере может явиться препятствием к творчеству, удержала его от решительного шага и на этот раз.

Паганини не ответил на последнее письмо Елены, в котором она умоляла написать ей хотя бы несколько строк.

Получив развод, баронесса уехала в Париж в тайной надежде встретиться там с Паганини. Но они больше никогда не видались. В Париже Елена занималась у знаменитого Мануэля Гарсиа, который сумел развить её красивый и блестящий голос. Она могла бы стать украшением любого оперного театра Германии. Однако молодая женщина была далека от подобной мысли.

В Париже она сблизилась с Беранже и кругом его друзей. Но ни пение, ни успехи в живописи, ни занятия поэзией не могли вытеснить из сердца страстной любви к Паганини. После его смерти Елена перенесла тяжёлое нервное заболевание. Оправившись, она перешла в католичество, сожгла письма Паганини, с которыми никогда не расставалась, и постриглась в монахини бенедиктинского монастыря Марианштейн в Швейцарии, неподалёку от Базеля.

Так завершилась эта романтическая поэма «любви и страдания».

Длинная вереница женщин проходит мимо Паганини, увлекая воображение, возбуждая любопытство, зажигая страсть. Но ни одна не задерживается на сколько-нибудь значительный срок, ни в одной не может артист найти себе подругу. На жизненном пути Паганини, как у Байрона и Гёте, Листа и Вагнера, Фосколо и Шелли, остаются надломленные и разбитые существа. Как и Берлиоз, он «любил лишь мечты, призраки чувства и, обречённый страдать, заставлял страдать других».

Письмо Паганини к сыну Ахиллу

«Ливерпуль, 6 мая 1834 года.

Мой дорогой, горячо любимый сын Акилле!
Эти несколько дней, которые я провел вдали от тебя, кажутся мне десятью годами. Только небу известно, как я страдал, расставаясь с тобой! Но, зная, как ты слаб здоровьем, я пожертвовал радостью общения с тобой в этом ужасном путешествии и оставил тебя в Лондоне, к тому же в таком хорошем обществе, как синьора Уотсон и ее сын Гийом. Я получил машинку, которую ты забыл дать мне перед отъездом, когда обнимал меня, спасибо, что прислал мне её. Не проходит дня, чтобы я не думал о тебе, не разговаривал с тобой мысленно, не целовал бы тебя. Надеюсь, что в воскресенье смогу обнять тебя и сказать многое такое, что от полноты чувств не могу передать в письме. Надеюсь, ты ведешь себя хорошо и занимаешься. С нетерпением жду счастливой минуты, когда смогу прижать тебя к своей груди и выразить мою глубочайшую любовь.

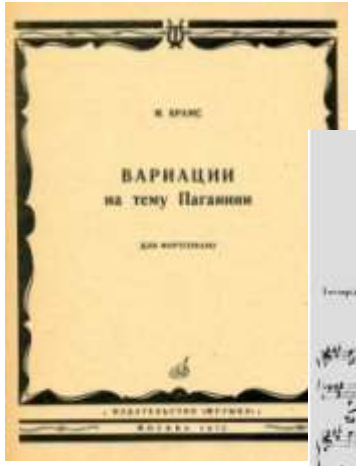
Твой папа Паганини

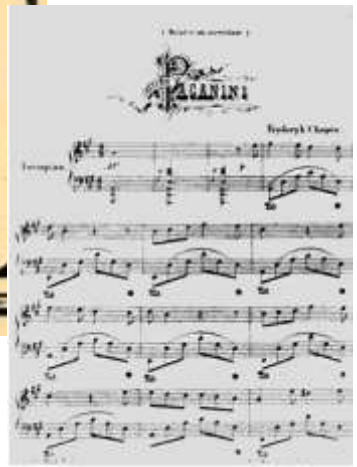
Ямпольский, Израиль Маркович. Никколо Паганини : жизнь и творчество. – Москва : Музыка, 1968. – ГЛАВА ПЯТАЯ. – С. 58–64.

Современники о Паганини

Феликс Мендельсон
1809-1847

Из письма Ф.Мендельсона известному немецкому пианисту Игнацу Мошелесу: «Паганини в Берлине. Он даёт здесь свой последний концерт в субботу и затем едет прямо в Лондон, где его ждёт, как я убеждён, огромный успех, так как его совершенное искусство выходит за пределы человеческого понимания. Вы требуете слишком многого, если ожидаете, что опишу вам его исполнение. Невозможно в письме дать исчерпывающий анализ и рассказать о впечатлении от его игры, настолько он ***оригинален и неподражаем****».*





Современники о Паганини

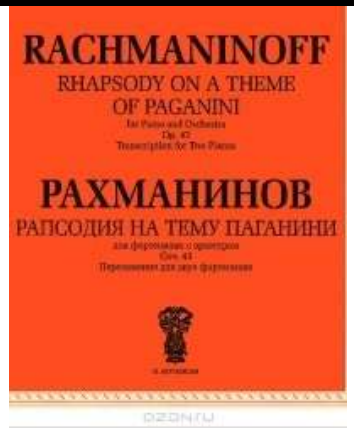
Оноре де Бальзак
1799 - 1850

«Самое необычайное чудо, захватившее меня в настоящее время в Париже врасплох, - это Паганини…
Не думайте, будто речь идёт о его смычке, пальцах, фантастических звуках, которые он извлекает из своей скрипки… Есть, без сомнения, что-то загадочное в этом человеке; но если я его благословляю, восхищаюсь им, и если буду посещать каждый его концерт, то не только из-за эгоистической страсти, из фанатизма артиста…
Паганини представляется мне Наполеоном жанра…»

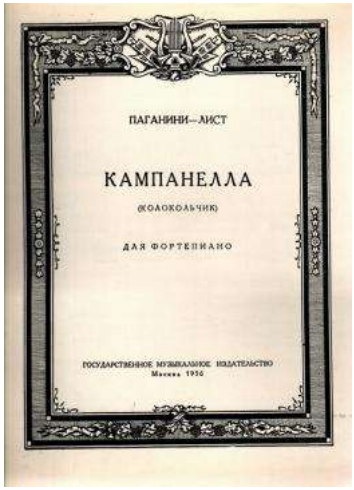
Современники о Паганини

Роберт Шуман
1810-1856

«Пасхальное воскресенье. Вечером – Паганини! Разве это не восторг! Под его руками самые сухие упражнения пламенны, как пророчества пифии. Когда я впервые пришёл послушать его, то думал, он начнёт небывало сильным звуком. Но он начал так слабо, так незначительно. Однако едва лишь он легко и незаметно набросил на толпу свои магические цепи, как она сразу же заколебалась. Звенья цепи становились всё чудеснее, смыкались всё уже, люди теснились друг к другу всё ближе, он стягивал их всё крепче, пока они постепенно не слились как бы в единого слушателя…»



Н. Паганини



**«Ничьей славе не сравниться с его славой,
не сравниться и чьему-нибудь имени с его именем…
Никогда ничьим следам не совпасть с его гигантскими следами…
И я решительно утверждаю: второго Паганини не будет.
Такое сочетание колоссального таланта и особых обстоятельств жизни,
которые вознесли его на самую вершину славы, –
это единственный случай в истории искусства… Он был велик…»**

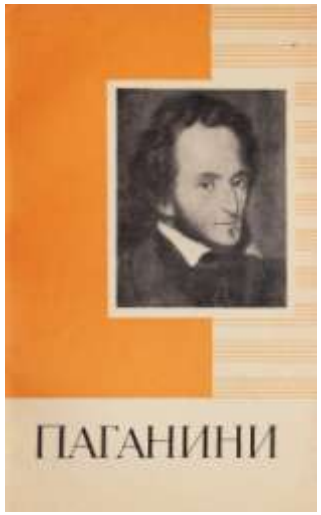
Ференц Лист

История музыки знает немало примеров человеческой гениальности, но имя итальянского скрипача и композитора Никколо Паганини даже спустя 240 лет со дня его появления на свет окружено немеркнущим сиянием славы человека-легенды.

Личность Паганини, его искусство скрипача и композитора были для современников непостижимой тайной и загадкой, которую они пытались разгадать. И на первый взгляд казалось, что есть возможность для ее раскрытия – это обратиться к самому Никколо Паганини. Человек-легенда, как называли современники гениального музыканта, был и сам заинтересован в правдивом рассказе о своей жизни. Написанная им «Автобиография» стала ответом на многочисленные клеветнические измышления завистников его таланта, но тем не менее маэстро был в ней не до конца откровенен и обошел молчанием несколько лет своей жизни. Друг Паганини – профессор Пражского университета Ю.М. Шотки в беседах с артистом почерпнул немало ценных сведений, которыми он поделился с читателями в своей книге «Жизнь и деятельность Паганини как художника и человека» (1830). Несмотря на то, что информация была получена из первых рук, и книга основана на «Автобиографии» Паганини, документальных источниках, предоставленных им автору, издание носит отпечаток субъективного освещения некоторых событий и содержит ряд неточностей. Но это не умаляет её главного достоинства – первой биографии Паганини.

Свой вклад в создание литературы о Никколо Паганини внесли его секретарь Г. Гаррис и личный врач Ф. Беннати. Один из них решил познакомить читателей с интимной жизнью музыканта – «Паганини в своей карете и комнате, в часы досуга, в обществе и в своих концертах», а другой попытался найти объяснение гениальности скрипача в его природных данных и анатомическом строении тела: «Физиологические заметки о Никколо Паганини» (1831). Близко знавший артиста его соотечественник Д. Конестабиле оставил потомкам первое фундаментальное исследование – книгу «Жизнь Никколо Паганини из Генуи» (1851), «до сих пор не утратившую научной ценности и оказавшую влияние на всю последующую литературу о композиторе» (Л. Кокорева). Другой соотечественник великого итальянца профессор А. Кодиньола опубликовал в 1935 году книгу «Интимный Паганини», в основу которой легли 287 писем с ценными комментариями и вступительной статьей. Письма открыли миру неизвестного Паганини, с их страниц заговорила его мятежная, страстная и возвышенная душа, его бурные чувства, его живой ум и неиссякаемое остроумие.

Если бы Никколо Паганини была дана возможность воскреснуть и ознакомиться с литературой, ему посвященной, он остался бы доволен ее количеством, но не всегда содержанием. Правдивый рассказ о жизни музыканта соседствует с вымыслом, фантастическими легендами, противоречивыми суждениями. И в этом нет ничего удивительного, слишком необычной была личность этого человека и его искусство. Интерес к Паганини-человеку и исполнителю не ослабевает до сих пор, вызывая к жизни новые публикации материалов о нём. К сожалению, русские издания о скрипаче немногочисленны.



Первое знакомство с Паганини лучше начинать с чтения книги А.Г. Пальмина «Никколо Паганини». Свою работу автор определил как краткий очерк жизни и творчества и адресовал ее юношеству. Задачи, которые писатель поставил перед собой, были им успешно решены. Опираясь на открытия предшественников, письма Паганини и другой документальный материал, ему удалось написать не просто интересный и познавательный очерк, но «создать близкую к истине картину жизни и деятельности» гениального артиста.

В предисловии к книге Александр Пальмин пишет: «Если Паганини-артиста современники оценили по достоинству, то как человек он был ими оклеветан. Его упрекали в алчности: он назначал двойную, тройную плату за вход на свои концерты, а иногда увеличивал её в пять раз и составил себе огромное состояние. Но кто определит, сколько стоит мученическое детство, какова цена юности и здоровья, принесённых в жертву скрипке, и огромного нервного напряжения, доводившего Паганини до полного изнеможения после концертов?! Не темные, невежественные толки о дьявольщине, загадочности, алчности и т.п., а именно его высокие душевные качества мы положили в основу нашего суждения о Паганини-человеке».

Книга была переиздана дважды и это говорит о ее популярности.

Пальмин, Александр Георгиевич. Никколо Паганини : 1782-1840 : краткий очерк жизни и творчества: книжка для юношества. – 2-е изд. – Ленинград : Музыка, 1968. – 88 с. : ил.

Роман Анатолия Виноградова «Осуждение Паганини» занимает особое место среди книг о выдающемся мастере скрипичной игры. Впервые книга вышла в свет в 1937 году и с той поры неоднократно переиздавалась. Российский писатель сделал главным героем своего повествования известного человека, жизнь которого была богата событиями и необычайными приключениями.

Форма художественного произведения позволила соединить в единое целое документальную хронику и авторский вымысел. На страницах популярного романа живет, действует, радуется и страдает, одерживает победы над человеческой завистью и подлостью простой и великий одновременно, грешный и святой в своем искусстве маэстро скрипки Никколо Паганини.

Виноградов, Анатолий Корнелиевич. Осуждение Паганини : роман. – Ставрополь : Книжное издательство, 1965. – 339 с.

Челябинское издательство «Урал LTD» опубликовало в 1999 году в своей знаменитой серии «Иллюстрированные Биографии Великих Музыкантов» книгу Джона Сагдена «Паганини». Почему именно работа английского писателя привлекла внимание российского издательства? Прежде всего богатейшим иллюстративным материалом, среди которого преобладают портреты самого Паганини разных лет, представлены также портреты музыкантов, царственных особ, встреченных им на своём пути, гравюры, фотографии городов Европы, где он жил и концертировал. Многое из этого богатого собрания публикуется впервые.

Но самая большая ценность этого издания заключена в текстовом материале. Автор имел уникальную возможность ознакомиться со ставшими библиографической редкостью первыми биографиями Паганини, написанными его современниками Ю.М. Шотки и Ф.-Ж. Фетисом, а также книгами А. Кодиньолы и Дж.Де Курси, изданными в XX веке. Джон Сагден отметил научную добросовестность двух последних авторов. Английский писатель создал одну из самых правдивых биографий гениального скрипача, показав всю противоречивость его личности, в которой «необыкновенная щедрость соседствовала с алчностью, достоинство и незаурядная сила духа – с мелочностью и гордыней; мы сопереживаем его уязвленным чувствам и тут же возмущаемся его полным пренебрежением к чувствам других; мы восхищаемся его смелостью и силой воображения и поражаемся отсутствию у него здравого смысла и способности к трезвым рассуждениям». Паганини страстно любил и боготворил не только скрипку, прославившую его имя, другой сильной страстью пылкого итальянца были женщины. Любовным романам великого человека посвящено немало страниц этой интересной биографии.

Обращаясь к своим читателям, Джон Сагден пишет: «Цель этой книги можно будет считать достигнутой, если прочитавшие её захотят поближе познакомиться с музыкой Паганини и миром скрипки, величайшим представителем которого он был. А иные скажут, что его дух незримо довлеет и над нынешними обитателями этого мира».

Сагден, Д. Паганини. – Челябинск : Урал LTD, 1999. – 205 с. : ил. – (Иллюстрированные Биографии Великих Музыкантов).

Можно без преувеличения сказать, что одна из самых лучших книг о Паганини написана женщиной, мужчины-писатели были правдивы, объективны и бесстрастны, итальянская писательница Мария Тибальди-Кьеза не просто талантливо рассказала о великом музыканте, она сделала это с огромной любовью к его необыкновенной личности и неповторимому искусству и пониманием всех его человеческих достоинств и недостатков. Написанию книги предшествовала кропотливая работа в музыкальных архивах, собранный материал был творчески переосмыслен и в результате на свет появилась книга, сочетающая в себе достоинства художественного произведения и музыковедческого исследования.

Захватывающий роман о Паганини основан на документальном материале, письмах, цитатах из вышедших ранее книг, газетной хронике того времени. Мария Тибальди-Кьеза показывает «ярчайшие картины внешней и внутренней жизни музыканта, почти зримо запечатлевает всю фантастическую необычность его облика в минуты высочайшего артистического волнения во время концерта и после него. Вдохновенен поэтический, но без всяких преувеличений, с тонким чутьем и вкусом воссозданный образ ***звучащего*** Паганини». Писательница смогла так «описать игру артиста, как если бы она сама присутствовала при этом» (Л. Кокорева).

Жизненное и артистическое кредо Паганини: «Нужно сильно чувствовать, чтобы заставить чувствовать других» служило путеводной звездой и для М. Тибальди-Кьеза, когда она писала книгу о своем великом соотечественнике, её чувство любви и восхищения маэстро скрипки Никколо Паганини передаётся и нам, её читателям.

У книги оказалась счастливая судьба: впервые опубликованная на итальянском языке в 1940 году, «уже к 1947 году она выдержала четыре издания. На русском языке впервые появилась в 1981 году в серии “ЖЗЛ”. Была переиздана в 1986 году» (Л. Кокорева).

Тибальди-Кьеза, Мария. Паганини. – Москва : Молодая гвардия, 2008. – 388 с. : ил. – (Жизнь замечательных людей ; вып. 1330 (1130)).

Известный российский музыковед И.М. Ямпольский посвятил Никколо Паганини фундаментальную монографию. Музыкальный критик избрал свой путь ознакомления читателей с жизнью и творчеством скрипача. Капитальный научный труд отличается доступной манерой изложения материала, прочитав это исследование, не только профессиональные музыканты, но и любители музыки сделают для себя немало открытий.

По словам автора, «предлагаемая читателю книга состоит из двух самостоятельных, но взаимосвязанных частей – биографии артиста и характеристики его исполнительского и композиторского творчества. Если в биографической части имелась возможность использовать разработанный фактологический материал, то в разделе, посвящённом творчеству, приходилось, по существу, заново восстанавливать облик Паганини – исполнителя и композитора».

Музыковед и скрипач И.М. Ямпольский как музыкант-профессионал сумел в полной мере оценить редкий исполнительский и композиторский дар великого итальянца, так и оставшегося недосягаемым и непревзойдённым в своём искусстве. Ф. Лист в знаменитом некрологе сказал «без колебаний: второго Паганини не будет. Такое сочетание колоссального таланта и особых обстоятельств жизни, которые вознесли его на самую вершину славы, – это единственный случай в истории искусства».

Ямпольский, Израиль Маркович. Никколо Паганини: жизнь и творчество. – Москва : Музыка, 1968. – 448 с. : ил.

Автор-составитель беседы и автор аннотаций – главный библиотекарь
отдела музыкально-нотной литературы Воронежской областной универсальной научной библиотеки имени И.С. Никитина
Левина Елена Ивановна